

* * *

Как полет тополиного пуха –
подготовка поющего слуха
для вступления в тягостный хор,
где, допустим, я вышел во двор
за прозрачностью траченной тени
под бряцанье Петровых ключей
и смотрю на удушье сирени,
и не жалко, не жалко очей.

Это радостно, это печально,
а изнанка ночей музыкальна,
но не ясно, зачем и кому
вырезают прекрасную тьму
и опасливый ласковый запах,
стройным счастьем его невзначай
назначая на поздних этапах.
Не удержишь украденный рай,

не положишь в карман аромата.
Хоть борьба обращается в брата,
а луна – молодой мельхиор,
но расходится призрачный хор.
В жадной музыке чувство сгорело,
будто я никогда не умру.
Я стою, как отдельное тело,
на привычном проточном ветру.

* * *

Из каллиграфии, хореев, хорд
родятся упражнения для слуха,
блистательный, хоть бестелесный спорт,
и на табло «2 : 0» не в пользу духа.

Ты победил, теперь живи один
и береги свою литературу.
Пушкой хранит метафор формалин
прекрасных образов мускулатуру.

Раствор гармонии к глазам приблизь,
приблизь к глазам флаконы какофоний.
Да, это хорошо, но оглянись:
сипит степная пустота на фоне.

Нет, так я не могу и не хочу,
я не мечтал о подленьком подлоге.

Но если крылья обломать лучу,
то что же получается в итоге?

Останется привычный человек,
бредущий по сугробам в злое небо,
и не молчит в ночи молочный снег,
и недостаточно краюшки хлеба.

* * *

М. Л.

Сочинение тихих стихов
человека не делает чище,
ведь обходится воздух без слов
и без смысла, свободный и нищий.

Что приличней – хорей или ямба?
Что вкуснее – арбуз или дыня?
Проставляет расплывчатый штамп,
улыбаясь, большая гордыня.

Только нечем гордиться, и вновь –
каллиграфия в школьной тетради –
умирает слепая любовь,
никого не прося о пощаде.

О каком сладкогласии муз
всё мечталось охотно и страстно,
если я – одиночка и трус,
вождевший того, что прекрасно?

Трудный стыд, возрастная вина –
это всё, что во мне народилось,
словно утренний вид из окна,
где счастливая слабость струилась.

Чем тебя я отблагодарю,
тусклый свет, отраженный наружу?
Только тем, что горю, говорю,
что себя тишиной не нарушу.

Я дождусь, чтобы воздух разжал
ледяные ладони, чтоб звезды,
словно зерна печальных начал,
просыпались в земные борозды,

чтоб огонь, прорастая, горчил,
чтоб окликнуло вольное горе,
не в молчании, но в разговоре
обретая отчаянье сил.